

Чайлд М.

Матрешка
идет в
большой
интер
в

Чайлд М.

**Матрешка Дуся
идет в большой мир**

«Автор»

2026

М. Ч.

Матрешка Дуся идет в большой мир / Ч. М. — «Автор», 2026

Маленькая матрёшка Дуся не хочет сидеть внутри других матрёшек и убегает на ярмарку. Там она встречает самовар, гармошку, Петрушку и других удивительных друзей. Но в конце она понимает, что семья — это не клетка, а дом, куда хочется возвращаться. Добрая сказка о дружбе, любви и о том, что дом всегда с тобой.

© М. Ч., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. В тесном уютном мире	5
Глава 2. Сёстры отправляются в путь	13
Глава 3. Матрёшка, которая потерялась	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Чайлд М.

Матрешка Дуся идет в большой мир

Глава 1. В тесном уютном мире

На самом краю большой шумной ярмарки, там, где расписные сани с леденцами соседствовали с лавками, полными глиняных свистулек, стоял небольшой деревянный прилавок. На нём, укрытая от солнечных лучей узорчатым рушником, жила дружная семья матрёшек. Старшая из них, бабушка Глафира, была самой большой и важной. Её бока, покрытые золотой и алой краской, блестели на утреннем солнце, а на щеках цвели яркие ромашки. Внутри неё, как в уютном доме, жили её дочери, внучки и правнучки — целых десять куколок, каждая меньше предыдущей.

Самая маленькая, по имени Дуся, была величиной с напёрсток. Она не могла похвастаться ни золотыми узорами, ни пышными розами на боках. Её наряд был скромным: голубой сарафанчик в мелкий белый горошек, красный платочек и улыбка, нарисованная так хитро, что, казалось, она вот-вот подмигнёт. Дуся была самой младшей, и по всем правилам матрёшечьей жизни ей полагалось сидеть внутри своей старшей сестры Маши, которая, в свою очередь, пряталась в Катю, а та — в Олю, и так до самой бабушки Глафиры. Но Дусе такая жизнь казалась ужасно несправедливой.

— Почему я всегда должна сидеть в темноте? — ворчала она, когда по утрам сестры укладывали её в очередную деревянную «комнатку». — Почему я не могу посмотреть, что там, снаружи?

— Так заведено испокон веку, — отвечала ей старшая сестра Маша, аккуратно поправляя свой ярко-жёлтый платок. — Мы, матрёшки, созданы, чтобы прятаться друг в друге. В этом наша сила и наш уют. Представь, если бы мы все разбежались кто куда! Мы бы потерялись, замёрзли, и никто бы не знал, где нас искать.

— Но я не хочу прятаться! — настаивала Дуся. — Я хочу увидеть ярмарку, услышать, как играет гармошка, попробовать запах пряников! Я хочу знать, что там, за прилавком.

— Глупости, — фыркала бабушка Глафира, когда слышала этот разговор. Её голос был глубоким и гулким, как у большой деревянной бочки. — Ярмарка — это шум, толкотня и пыль. А здесь, внутри нашей семьи, тепло, спокойно и безопасно. Сиди смирно, Дуся, и не выдумывай.

Но Дуся не могла сидеть смирно. Каждое утро, когда бабушка Глафира, кряхтя и покачиваясь, открывала свой деревянный бок, чтобы выпустить дочерей на свет божий, Дуся жадно вглядывалась в щёлочку. Она видела пёстрые ленты, которыми торговцы украшали свои лавки, слышала звон бубенцов на тройках, вдыхала сладкий запах медовых пряников и жареных орехов. Мир снаружи манил её, как яркий фонарик манит мотылька.

Однажды утром, когда ярмарка только начинала просыпаться, а торговцы ещё раскладывали свой товар, Дуся решилась. Бабушка Глафира, как обычно, распахнула свои деревянные створки, и старшие сёстры одна за другой выбрались наружу, чтобы погреться на солнышке. Дуся, как самая младшая, должна была вылезти последней. Но вместо того чтобы чинно усестись на краю прилавка, она огляделась по сторонам, убедилась, что никто не смотрит, и... юркнула вниз.

— Ой! — пискнула она, приземлившись на мягкую, пахнущую пылью и травой землю.

Никогда ещё она не чувствовала себя такой... свободной. Трава под ногами была мягкой и щекоотала её деревянные пяточки. Ветер, настоящий ветер, а не сквозняк из бабушкиного

нутра, трепал её красный платочек. А солнце! Оно было огромным и тёплым, и оно светило прямо на неё, Дусю, никем не заслонённое.

Она сделала несколько неуверенных шагов. Ноги её, привыкшие стоять ровно и неподвижно, слегка заплетались. Но Дуся была упрямой. Она подняла голову и посмотрела на прилавок. Там, высоко-высоко, стояли её сёстры. Бабушка Глафира что-то говорила, кажется, отчитывала Машу за неаккуратность. Никто не заметил, что самой младшей нет на месте.

— Ну и пусть, — прошептала Дуся, хотя сердце её тревожно сжалось. — Я докажу им, что мир не опасен. Я всё посмотрю и вернусь.

Она повернулась и зашагала в сторону, откуда доносились громкие голоса, смех и музыка. Ярмарка звала её.

Первое, что поразило Дусю, — это запахи. Они налетели на неё со всех сторон, как стая весёлых пчёл. Вот тянет густым, сытным духом жареного мяса и пирогов с капустой. Вот пахнуло сладким, приторным — это в огромном чане варили медовуху и засахаривали орехи. А вот резкий, бодрящий запах дёгтя и кожи — где-то рядом чинили сапоги. Дуся кружилась на месте, пытаясь вдохнуть всё сразу, и у неё даже закружилась голова.

Второе чудо — это люди. Огромные, как горы, они ходили туда-сюда, громко переговаривались, смеялись, торговались. Дуся, привыкшая к обществу аккуратных и молчаливых сестёр, сначала испугалась. Казалось, что эти великаны вот-вот наступят на неё своими тяжёлыми сапогами. Она юркнула под перевёрнутый ящик из-под яблок и притаилась, выглядывая из щели.

Прямо перед ней развернулась целая сцена. На небольшом помосте, украшенном разноцветными лоскутками, стоял человек в ярко-красной рубаше, с длинным носом и горбом на спине. Это был Петрушка. Дуся сразу узнала его — она часто видела его издалека, с высоты бабушкиного прилавка. Но вблизи он оказался совсем другим. Его лицо, нарисованное на деревянной голове, было хитрым и озорным. Он махал руками, кланялся и громко, на всю ярмарку, выкрикивал:

— Эй, народ честной! Подходи, не зевай! Я — Петрушка, весёлая игрушка! Со мной не соскучишься, со мной не загрустишь! Я и спою, и спляшу, и сказку расскажу! А ну, кто смелый, подходи поближе!

Дуся заворожённо смотрела на него. Вот это жизнь! Вот это настоящее веселье! Он не прятался в темноте, он стоял на виду у всех, и все ему хлопали, смеялись и бросали в его шляпу медные монетки.

— Вот бы и мне так, — прошептала Дуся. — Вот бы и мне кто-нибудь похлопал.

Она выбралась из-под ящика и, набравшись смелости, подошла поближе к помосту. Петрушка как раз закончил свою песенку и низко поклонился. Зрители начали расходиться, и наступила короткая пауза. Дуся подошла к самому краю помоста и робко окликнула:

— Господин Петрушка! Господин Петрушка!

Петрушка услышал тоненький голосок, свесился с помоста и уставился на Дусю своими нарисованными глазами.

— Ого! — воскликнул он. — Что это за чудо-юдо? Матрёшка! Да ещё такая маленькая! Ты чего тут делаешь, кроха? Потерялась?

— Нет, я не потерялась, — гордо ответила Дуся, хотя от волнения у неё дрожали коленки. — Я путешествую. Я ушла из дома, чтобы увидеть большой мир.

Петрушка расхохотался так громко, что с ближайшей ёлки слетела ворона.

— Путешествует она! Ха-ха-ха! Да ты же ростом с пуговицу! Что ты можешь увидеть? Тебя же ветром сдует!

— Не сдует, — обиделась Дуся. — Я деревянная. Я тяжёлая.

— Оно и видно, — хмыкнул Петрушка. — Ладно, смелая матрёшка. Хочешь увидеть большой мир? Тогда слушай меня. Я тут главный артист, я знаю всё и всех. Вон там, — он

махнул рукой в сторону, — живёт Самовар Самоварыч. Важная персона! Он всех чаем поит, без него ярмарка не ярмарка. А вон там, за углом, живёт Гармошка. Вот у кого надо учиться веселиться! Она без умолку играет, пляшет и поёт. Сходи к ним. Может, и тебя чему научат.

Дуся кивнула. Она уже слышала про Самовара Самоварыча и Гармошку от старших сестёр, но видеть их вблизи ей ещё не приходилось.

— Спасибо, господин Петрушка! — крикнула она и, не теряя времени, побежала в ту сторону, куда он указывал.

Дорога была неблизкой для её крошечных ножек. Она петляла между огромными, как стволы деревьев, ножками прилавков, огибала лужи, оставшиеся после утренней поливки, и старалась не попадать под ноги зазевавшимся прохожим. Несколько раз её чуть не раздавили. Один раз она едва успела отскочить от тяжёлого колеса телеги, гружёной мешками с мукой. Но Дуся не сдавалась. Она упрямо шла вперёд, к своей цели.

Наконец она увидела его. Самовар Самоварыч стоял на почётном месте, в центре большой чайной палатки. Это был огромный, пузатый красавец, начищенный до зеркального блеска. Его бока отражали всё вокруг: и пёстрые юбки торговков, и связки баранок, и саму Дусю, которая казалась в его отражении крошечной точкой. Из его носика валил густой пар, а из-под крышки доносилось недовольное пыхтение.

— Кто тут? — прогудел Самовар, когда Дуся подошла поближе. — Опять эти дети! Я же просил не трогать меня за бока! Я же просил не крутить крантик!

— Это я, Дуся, — робко сказала матрёшка. — Я не ребёнок. Я матрёшка. Я пришла с вами познакомиться.

Самовар медленно повернул свой кран в её сторону (он был очень важный и делал всё медленно) и уставился на неё.

— Матрёшка? — удивился он. — Хм. Что-то не припомню, чтобы матрёшки по ярмарке шатались. Они обычно сидят на прилавках, чинно и благородно. Ты, часом, не сбежала?

Дуся смутилась. Ей не хотелось признаваться, что она сбежала. Это звучало как-то... неправильно.

— Я путешествую, — сказала она. — Изучаю мир. Хочу понять, как тут всё устроено.

— Изучает она, — проворчал Самовар, но в его голосе послышалась нотка одобрения. — Ну-ну. И как тебе мир?

— Он большой, — честно ответила Дуся. — И шумный. И пахнет по-разному. И... немного страшный.

— Это точно, — согласился Самовар. — Вот я, например, стою тут с самого утра. Киплю. Парю. Всех чаем пою. А кто мне спасибо скажет? Никто. Только крутят крантик да требуют: «Ещё! Ещё!» А я, между прочим, не железный. То есть железный, конечно, но не настолько.

Он тяжело вздохнул, и из носика вырвалось облачко пара.

— А ты, значит, хочешь большой мир посмотреть? — продолжил он. — Что ж, дело хорошее. Только знай: большой мир — он разный. Есть в нём и добрые люди, и злые. Есть и сладкие пряники, и горькая полынь. Ты вот сейчас идёшь, улыбаешься, а там, за углом, может, тебя уже беда поджидает.

— Я не боюсь, — сказала Дуся, хотя внутри у неё всё сжалось.

— Не боишься, значит, — усмехнулся Самовар. — Ну-ну. Ладно. Иди своей дорогой. Только запомни: где бы ты ни была, всегда помни, кто ты и откуда родом. Это самое главное. А теперь беги. А то я опять закипаю, а мне ещё к вечеру народ поить.

Дуся кивнула и пошла дальше. Слова Самовара заставили её задуматься. «Помни, кто ты и откуда родом». Она была матрёшкой. Самой младшей в семье. И она ушла из дома. От этих мыслей ей стало немного грустно.

Но тут её внимание привлекла весёлая, задорная музыка. Она доносилась из-за соседнего прилавка. Дуся выглянула из-за угла и увидела Гармошку.

Это была настоящая красавица. Её бока, украшенные яркими цветами и узорами, переливались на солнце. Она лежала на бархатной подушке, и какой-то парень в лихо заломленной фуражке играл на ней, растягивая меха и нажимая на кнопки. Гармошка пела! Она пела так весело, так залихватски, что ноги сами пускались в пляс. Вокруг неё собралась толпа, люди хлопали в ладоши, притопывали и улыбались.

Когда парень закончил играть и отложил гармошку, чтобы выпить квасу, Дуся подошла поближе.

— Здравствуйте, госпожа Гармошка, — сказала она. — Я Дуся. Я слышала, как вы играете. Это... это волшебно!

Гармошка (а она была очень гордой и самолюбивой) довольно блеснула своими перламутровыми кнопочками.

— Ещё бы! — воскликнула она. — Я — лучшая гармошка на всей ярмарке! Меня все знают! Без меня ни одна свадьба не обходится, ни один праздник! Я умею играть и весёлое, и грустное, и плясовое, и протяжное. Хочешь, сыграю?

— Хочу! — обрадовалась Дуся.

Гармошка заиграла. Но на этот раз это была не плясовая, а грустная, протяжная песня. Она пела о широких полях, о быстрой речке, о доме, где тебя ждут. Дуся слушала, и на её глазах выступили слёзы. Она вдруг вспомнила бабушку Глафиру, которая по утрам грела её своим теплом, вспомнила сестёр, которые всегда были рядом, вспомнила уютную темноту родного «домика». Ей стало так тоскливо, что она чуть не заплакала.

— Что с тобой? — удивилась Гармошка, перестав играть. — Я же хорошо играю! Чего ты нос повесила?

— Я вспомнила о доме, — призналась Дуся. — Я ушла от своей семьи. Я хотела посмотреть большой мир, а теперь... теперь я не знаю, правильно ли я поступила.

Гармошка внимательно посмотрела на неё. В её голосе впервые послышались серьёзные нотки.

— Знаешь, матрёшка, — сказала она. — Я много играю. Я играю для людей, для зверей, для ветра. Но когда я остаюсь одна, я вспоминаю своего мастера. Того, кто меня сделал. Он был добрый старик. Он научил меня петь. И где бы я ни была, я всегда помню его руки. Это и есть мой дом. Понимаешь?

Дуся кивнула. Она начинала понимать.

— Спасибо, госпожа Гармошка, — сказала она. — Вы очень добры.

— Ладно, — отмахнулась Гармошка. — Иди уже. А то я опять заиграю, а мне ещё на свадьбу к вечеру.

Дуся пошла дальше. Она шла и думала. Она думала о Самоваре, который кипит для всех, но мечтает о благодарности. О Гармошке, которая играет для всех, но помнит руки мастера. О Петрушке, который веселит народ, но прячется за своим длинным носом. И о себе. О маленькой матрёшке, которая сбежала из дома, чтобы найти что-то важное.

А что, если это важное — оно и есть дома?

Она остановилась посреди шумной ярмарки, и вдруг всё вокруг стихло. Она больше не слышала ни гомона толпы, ни музыки, ни смеха. Она слышала только тихий, ласковый голос бабушки Глафиры: «Сиди смирно, Дуся, и не выдумывай». И голос Маши: «Мы, матрёшки, созданы, чтобы прятаться друг в друге. В этом наша сила». И ещё один голос, самый тихий, самый родной — голос её собственного сердца, который говорил: «Дом — это не клетка. Дом — это место, где тебя любят».

Дуся повернулась и посмотрела в сторону своего прилавка. Он был далеко, но она знала, что там, наверху, за узорчатым рушником, стоят её сёстры. Они, наверное, уже заметили её отсутствие. Они волнуются. Они ищут её. А бабушка Глафира, наверное, ворчит, но в её ворчании столько любви и тревоги.

— Я вернусь, — прошептала Дуся. — Я обязательно вернусь. Но сначала я должна увидеть всё до конца. Я должна понять, что такое большой мир. И тогда я расскажу о нём своим сёстрам. И мы будем сидеть в бабушке Глафире все вместе, и я буду рассказывать им сказки о том, что видела. И это будет наш общий мир. Наш дом.

Она глубоко вздохнула, поправила свой красный платочек и зашагала дальше. Впереди её ждали новые встречи, новые чудеса и новые открытия. Ярмарка гудела, жила, дышала. И в самом её сердце, среди пёстрых толп и громких голосов, шла маленькая матрёшка Дуся. Она шла в большой мир. Но теперь она знала: что бы ни случилось, у неё есть дом, куда можно вернуться. И это знание делало её сильной.

А впереди уже слышался чей-то звонкий голос, и пахло чем-то сладким и манящим. Ярмарка продолжала удивлять. И Дуся, маленькая деревянная куколка с большим сердцем, была готова к новым приключениям. Она шла навстречу своему большому миру. Дуся шла по широкой ярмарочной площади, которая казалась ей огромной, как целая страна. Вокруг возвышались прилавки, украшенные резными наличниками и разноцветными флажками. Продавцы наперебой расхваливали свой товар: глиняные свистульки, расписные ложки, платки с алыми розами, тульские пряники, на которых были вытеснены целые картинки. Дуся вертела головой во все стороны, стараясь ничего не пропустить. Ей хотелось запомнить каждую мелочь, чтобы потом, вернувшись домой, рассказать сёстрам.

Вскоре она наткнулась на невысокий помост, вокруг которого толпился народ. На помосте стояла карусель. Это была не обычная карусель, а маленькая, ручная, которую крутил старик с длинной седой бородой. На ней, как живые, скакали деревянные лошадки, кружились расписные сани, а в центре сияла яркая лампочка, похожая на солнце. Дуся замерла, заворожённая этим зрелищем.

— Дяденька, — робко окликнула она старика, — а можно мне прокатиться?

Старик наклонился, прищурил один глаз и посмотрел на крошечную матрёшку.

— Ишь ты, — улыбнулся он. — Какая бойкая! Да куда же ты сядешь? Мои лошадки вон какие большие, а ты вон какая маленькая. Тебя же ветром сдует, как только карусель закрутится.

— А я не боюсь, — сказала Дуся. — Я деревянная.

— Деревянная-то деревянная, — покачал головой старик, — да больно уж ты легонькая. Ну ладно, ступай сюда, посажу тебя на самую маленькую лошадку. Только держись крепко.

Он поднял Дусю и усадил на крошечную белую лошадку, которая была меньше всех остальных. Лошадка была вырезана из дерева и покрыта лаком, а на её шее красовалась алая ленточка. Дуся вцепилась в гриву лошадки и зажмурилась. Старик заиграл на шарманке, и карусель начала медленно кружиться. Дуся открыла глаза и ахнула. Весь мир завертелся вокруг неё: прилавки, люди, флажки — всё слилось в один пёстрый хоровод. Ветер свистел в ушах, сердце колотилось от восторга. Ей казалось, что она летит.

Но вдруг карусель остановилась. Старик снова поднял её и поставил на землю.

— Ну что, накаталась? — спросил он. — А теперь беги, у меня ещё много желающих.

Дуся кивнула, поблагодарила старика и пошла дальше, пошатываясь от головокружения. Внутри у неё всё пело. Она только что сделала то, чего никогда не смогла бы сделать, сидя в бабушке Глафире. Она прокатилась на карусели!

Но вскоре радость её немного померкла. Она увидела, как мимо проходит мальчик в красной рубашке. Он нёс в руках большую корзину с яблоками и громко кричал:

— Яблочки наливные! Кому яблочки? Сладкие, медовые!

Дуся подошла к нему и спросила:

— А можно мне одно яблочко?

Мальчик остановился, посмотрел на неё сверху вниз и рассмеялся.

— Ты кто такая? — спросил он. — Матрёшка? Да ты же ненастоящая! Ты деревянная! Тебе нельзя яблоки. Ты же не умеешь есть.

— Я умею, — обиделась Дуся. — У меня есть ротик. Правда, он нарисованный, но я всё равно чувствую вкус.

— Ну и выдумщица! — мальчик засмеялся ещё громче и пошёл дальше, не обращая на неё внимания.

Дуся осталась стоять одна. Ей стало обидно. Она была настоящей, она всё чувствовала, но другие этого не понимали. Они видели в ней просто игрушку. А она была живой! Она думала, мечтала, радовалась и грустила. Но разве это можно объяснить?

Она побрела дальше, опустив голову. Ярмарка уже не казалась ей такой весёлой. Шум стал утомительным, толпа — тесной, а запахи — слишком резкими. Она устала. Ей захотелось пить. Она подошла к лотку, где продавали квас, и попросила кружечку. Продавщица, тётка в пёстром платке, посмотрела на неё и всплеснула руками:

— Батюшки! Матрёшка! Да откуда ты взялась? Ты чья будешь? Никак сбежала от хозяев?

— Я ничья, — сказала Дуся. — Я сама по себе.

— Сама по себе, — проворчала тётка. — Вот и иди своей дорогой, а то ещё потеряешься, а меня потом винить будут.

Она не дала Дусе квасу и отвернулась к другим покупателям.

Дуся совсем приуныла. Она села на краешек скамейки, свесила ножки и задумалась. Почему все относятся к ней как к маленькой, глупой игрушке? Почему никто не видит, что у неё есть душа? Она вспомнила бабушку Глафиру. Бабушка тоже иногда ворчала, но она всегда знала, что Дуся — живая. Она разговаривала с ней, как со взрослой. Она доверяла ей свои секреты. А сёстры? Они всегда были рядом, они понимали её без слов. Они вместе пели песни, когда бабушка открывала свои створки. Они рассказывали друг другу сны. Они были семьёй.

А здесь, в большом мире, она была совсем одна. Никому до неё не было дела. Каждый был занят собой. И даже те, кто обращал на неё внимание, видели в ней только забавную безделушку.

Вдруг над её головой что-то громко каркнуло. Дуся подняла голову и увидела огромную чёрную ворону. Ворона сидела на спинке скамейки и смотрела на неё блестящими глазами.

— Кар! — сказала ворона. — Какая блестящая! Какая хорошенькая! Кар! Полечу в гнездо, будет мне игрушка!

Дуся вскочила и бросилась бежать. Ворона взмахнула крыльями и полетела за ней. Она каркала и норовила схватить Дусю клювом. Дуся бежала так быстро, как только могли её деревянные ножки. Она петляла между ногами прохожих, пряталась под прилавками, но ворона не отставала. Она была огромной и страшной. Её тень накрывала Дусю, как чёрное облако.

— Помогите! — закричала Дуся. — Спасите!

Но никто не обращал внимания на маленькую матрёшку и ворону. Люди были заняты своими делами. Они не замечали, что в самом центре ярмарки разворачивается настоящая трагедия.

Дуся уже выбилась из сил. Она споткнулась и упала. Ворона спикировала вниз, и её клюв уже почти коснулся красного платочка Дуси. Но вдруг откуда-то сверху раздался громкий лай. Огромный лохматый пёс выскочил из-за прилавка и бросился на ворону. Ворона испуганно каркнула и взлетела на дерево.

— Ты цела? — спросил пёс, подбегая к Дусе. У него были добрые глаза и мокрый нос.

— Цела, — прошептала Дуся, дрожа всем телом. — Спасибо тебе, добрый пёс.

— Меня зовут Барбос, — представился пёс. — Я тут ярмарочный сторож. Слежу за порядком. А ты кто? И почему такая маленькая?

— Я матрёшка Дуся, — ответила она. — Я путешествую. Я хотела увидеть большой мир, но он оказался таким... страшным.

— Большой мир, — вздохнул Барбос. — Да, он не всегда добр. Но ты не должна быть одна. Где твоя семья? Где твой дом?

— Мой дом... — Дуся замолчала. Она вдруг поняла, что за все эти часы, что она провела на ярмарке, она ни разу не подумала о том, что её дом — это не просто место, где она спит. Дом — это бабушка Глафира, это сёстры, это тепло и уют. Это место, где её любят и ждут.

— Я ушла из дома, — призналась она. — Я думала, что смогу жить сама. Я думала, что семья — это клетка. Но теперь я понимаю, что ошибалась.

— Все иногда ошибаются, — сказал Барбос. — Но важно вовремя понять свою ошибку. Ты знаешь, где твой дом?

— Знаю, — кивнула Дуся. — Это прилавок на краю ярмарки, где стоит моя бабушка Глафира и мои сёстры.

— Тогда беги туда, — сказал Барбос. — И больше не убегай. Семья — это самое главное, что есть у нас в жизни.

Дуся поблагодарила Барбоса и побежала обратно. Она бежала мимо прилавков, мимо карусели, мимо чайной палатки, где всё ещё пытел Самовар Самоварыч. Она бежала так быстро, как только могла. Сердце её колотилось, но не от страха, а от радости. Она возвращалась домой!

Наконец она увидела знакомый прилавок. Он стоял на прежнем месте, укрытый узорчатым рушником. На нём, как и прежде, красовалась бабушка Глафира. Но что-то было не так. Створки бабушки были открыты, а рядом суетились сёстры. Они что-то искали. Они волновались.

— Дуся! — закричала Маша, увидев её. — Дуся вернулась!

Все сёстры бросились к ней. Они обнимали её, целовали, гладили по голове. А бабушка Глафира, которая всегда была такой строгой, вдруг заплакала. Она протянула свои деревянные руки и прижала Дусю к себе.

— Глупая ты, глупая, — причитала бабушка. — Разве можно так пугать? Мы думали, что ты потерялась. Мы думали, что тебя съела ворона или украл злой человек. Мы так волновались!

— Прости меня, бабушка, — прошептала Дуся. — Я больше не буду. Я поняла, что семья — это не клетка. Это дом. Самый лучший дом на свете.

— Ну конечно, дом, — сказала бабушка Глафира, вытирая слёзы. — А ты думала, что мы тебя держим в плену? Мы прячем тебя не для того, чтобы ты сидела в темноте. Мы прячем тебя, чтобы ты была в безопасности. Чтобы ты всегда знала, что у тебя есть место, где тебя любят.

— Я знаю, — сказала Дуся. — Теперь я знаю.

Она посмотрела на своих сестёр. Они улыбались ей, и в их глазах светилась любовь. Она посмотрела на бабушку Глафиру. Та уже не ворчала, а тихо напевала колыбельную. Дуся почувствовала, как тепло разливается по всему её деревянному телу. Она была дома.

— Бабушка, — сказала она. — А можно я расскажу вам, что видела? Я была на карусели. Я видела Петрушку, Самовара Самоварыча и Гармошку. Я даже разговаривала с ними!

— Конечно, расскажешь, — улыбнулась бабушка. — Но сначала отдохни. Ты, наверное, устала.

Она взяла Дусю на руки и бережно уложила её внутрь себя. Дуся оказалась в знакомой темноте. Но теперь эта темнота не казалась ей тесной и душной. Она была уютной, как одеяло. Она была родной.

— Бабушка, — прошептала Дуся.

— Что, внученька? — отозвалась бабушка.

— А завтра мы снова пойдём на ярмарку? Я хочу показать сёстрам карусель.

— Пойдём, — пообещала бабушка. — Обязательно пойдём. Все вместе.

Дуся закрыла глаза и улыбнулась. Она знала, что завтра будет новый день. И она снова увидит большой мир. Но теперь она будет смотреть на него не как беглец, а как путешественник, который всегда может вернуться домой. И это было самое главное.

А за стенками бабушки Глафиры тихо переговаривались сёстры. Они обсуждали, куда могла пропасть Дуся и что она видела. Они строили планы на завтра. И в их голосах звучала любовь. Та самая любовь, которая делает дом домом.

Глава 2. Сёстры отправляются в путь

Утро на ярмарке всегда начиналось одинаково: с крика петуха, который жил в клетке у торговца птицей, с грохота телег, которые подвозили свежий товар, и с запаха свежее испечённого хлеба, который доносился из пекарни дяди Прохора. Но для семьи матрёшек это утро было особенным. Сегодня Дуся должна была сдержать своё обещание — показать сёстрам большой мир.

Дуся проснулась первой. Она лежала внутри бабушки Глафиры, в самой середине, уютно устроившись между Катей и Олей. Было темно, но не страшно. Тепло бабушкиного деревянного тела согревало её, как печка в зимний вечер. Дуся потянулась, насколько позволяло пространство, и тихонько толкнула Катю в бок.

— Катя, — прошептала она. — Катя, проснись.

Катя что-то пробормотала во сне и перевернулась на другой бок.

— Катя! — настойчивее позвала Дуся. — Сегодня же ярмарка! Мы идём смотреть карусель!

Катя открыла один глаз и сонно посмотрела на сестру.

— Дуся, — проворчала она. — Ещё рано. Бабушка ещё спит. И все спят. Дай поспать.

— Но я обещала! — не унималась Дуся. — Я обещала показать вам карусель. И Петрушку. И Самовара Самоварыча. И Гармошку. Ты же сама говорила, что хочешь увидеть Гармошку!

Катя окончательно проснулась. Она была средней сестрой — весёлой, озорной и очень любопытной. Всё, что рассказывала Дуся о своих приключениях, казалось ей волшебной сказкой. Она мечтала увидеть всё своими глазами.

— А бабушка нас пустит? — спросила она с сомнением.

— Я уговорю, — уверенно сказала Дуся. — Она добрая. Просто ворчит иногда.

В этот момент зашевелилась Оля. Она была самой мечтательной из всех сестёр. Целыми днями она могла сидеть на краю прилавка и смотреть на облака, представляя, что они похожи на разных зверей. Она тоже проснулась и прислушалась к разговору.

— Я слышала, — сказала Оля тихо. — Вы собираетесь на ярмарку? Можно мне с вами?

— Конечно! — обрадовалась Дуся. — Мы все пойдём. Вся семья.

— Вся семья не поместится на карусели, — хихикнула Катя.

— Ничего, — сказала Дуся. — Мы по очереди. Главное — вместе.

Тем временем проснулись и остальные сёстры. Маша, старшая, сразу начала ворчать, что Дуся опять затевает что-то опасное. Но в её голосе слышалось любопытство. Вера и Надя, близняшки, переглянулись и хором сказали, что пойдут обязательно. Даже маленькая Соня, самая младшая после Дуси, захотела пойти. Она боялась, но не хотела оставаться одна.

Наконец проснулась бабушка Глафира. Она открыла свои деревянные створки, и в лицо матрёшкам ударил яркий утренний свет. Дуся зажмурилась, а когда открыла глаза, увидела перед собой доброе, немного сонное лицо бабушки.

— Ну что, — сказала бабушка Глафира, зевая. — Кто это тут с самого утра шумит? Спать не даёт старой бабушке.

— Бабушка! — хором закричали матрёшки. — Мы хотим на ярмарку!

Бабушка Глафира нахмурилась. Она посмотрела на Дусю, и в её глазах мелькнула тревога.

— Опять? — спросила она строго. — Дуся, ты уже вчера нагулялась. Мы чуть с ума не сошли, пока тебя искали. Нет, никакой ярмарки. Сидите дома.

— Но бабушка! — взмолилась Дуся. — Я обещала! Я обещала показать сёстрам карусель. Я обещала рассказать им про Петрушку. Они так хотят увидеть большой мир. Разве можно всю жизнь сидеть в темноте?

Бабушка Глафира вздохнула. Она была старой и мудрой. Она знала, что дети не могут сидеть на месте. Но она также знала, что мир полон опасностей. Она помнила, как в молодости сама чуть не попала в руки к мальчишке, который хотел разобрать её на щепки. Она помнила ворону, которая унесла её сестру. Она помнила много всего.

— Большой мир, — сказала бабушка, — это не только карусель и пряники. Это ещё и ветер, который может сдуть тебя с ног. Это дождь, который размочит твою краску. Это злые люди, которые могут обидеть. Я не хочу, чтобы с вами что-то случилось.

— Бабушка, — сказала Маша, выступая вперёд. — Мы будем осторожны. Мы будем держаться вместе. Я присмотрю за младшими. Я обещаю.

Бабушка Глафира посмотрела на Машу. Маша была её старшей дочерью, самой ответственной и надёжной. Если Маша что-то обещала, она всегда выполняла.

— Хорошо, — сказала бабушка. — Но только все вместе. И только до полудня. Как только солнце поднимется в самый зенит, вы должны вернуться. Иначе я буду волноваться.

— Спасибо, бабушка! — закричали матрёшки и бросились её обнимать.

— Ох, — проворчала бабушка, но было видно, что она улыбается. — Идите уже. И смотрите, не потеряйтесь. И не разговаривайте с незнакомцами. И не ешьте ничего, что вам предложат. И...

— Хорошо, бабушка, — перебила её Дуся. — Мы всё поняли. Мы скоро вернёмся.

Она схватила Катю за руку, и они побежали к краю прилавка. Маша помогла Оле и Соне спуститься. Вера и Надя уже прыгали вниз, смеясь и толкаясь. Бабушка Глафира смотрела им вслед и качала головой. Но в её глазах светилась любовь.

Ярмарка уже вовсю шумела. Торговцы выкладывали на прилавки румяные яблоки, связки баранок, глиняные кувшины, расписные ложки. Пахло мёдом, дымом, кожей, пряниками. Где-то играла гармошка, кто-то пел песню, кто-то громко торговался.

Матрёшки вышли на широкую площадь и остановились, поражённые. Они никогда не видели такого скопления людей. Всё казалось им огромным и шумным. Соня испуганно прижалась к Маше. Оля замерла, глядя на воздушные шары, которые продавал старик в соломенной шляпе. Катя тут же захотела покататься на карусели. Вера и Надя уже убежали бы куда-то, если бы Маша не схватила их за руки.

— Стойте! — сказала Маша. — Давайте сначала осмотримся. Мы должны держаться вместе.

— Смотрите! — закричала Дуся, указывая вперёд. — Вон там карусель! Помните, я рассказывала? Пойдёмте!

Она повела сестёр через толпу. Матрёшки шли гуськом, держась за руки, чтобы не потеряться. Люди вокруг них были огромными, как горы. Их сапоги грохотали по земле, как гром. Их голоса сливались в один сплошной гул. Соне казалось, что её сейчас затопчут. Но Дуся уверенно шла вперёд, и сёстры следовали за ней.

Наконец они добрались до карусели. Старик с седой бородой уже заводил шарманку. Деревянные лошадки медленно кружились, поблёскивая лаком. Матрёшки остановились, заворожённые.

— Красиво, — прошептала Оля. — Как в сказке.

— Я на этой каталась! — гордо сказала Дуся. — На самой маленькой лошадке. Вон на той, белой.

— Правда? — Катя посмотрела на неё с восхищением. — А меня покатаешь?

— Конечно! — сказала Дуся. — Пойдёмте к старику. Он добрый.

Они подошли к старику. Он как раз закончил играть и вытирал лоб платком. Увидев Дусю, он улыбнулся.

— А, маленькая путешественница! — сказал он. — Вернулась? И не одна, а с целой свитой!

— Это мои сёстры, — сказала Дуся. — Мы хотим покататься на карусели. Все вместе.

Старик посмотрел на матрёшек. Их было девять — от Маши, самой старшей, до Сони, самой маленькой. Он почесал бороду.

— Девять матрёшек, — сказал он. — Это много. Но у меня как раз есть девять лошадок. Правда, они разные по размеру. Придётся вам рассаживаться по росту.

— Мы согласны! — хором сказали матрёшки.

Старик засмеялся и начал рассаживать их на лошадок. Машу он посадил на самую большую лошадь — вороную, с пышной гривой. Катю — на рыжую, с задорно поднятым хвостом. Олю — на белую, как облако. Веру и Надю — на двух одинаковых серых лошадок. Соню — на маленькую розовую. А Дусю — на ту самую белую лошадку, на которой она каталась вчера.

— Держитесь крепче! — крикнул старик и заиграл на шарманке.

Карусель завертелась. Матрёшки закричали от восторга. Ветер ударил им в лицо, и они почувствовали себя птицами. Соня сначала испугалась, но потом засмеялась. Оля закрыла глаза и представила, что летит над полями и лесами. Катя кричала громче всех. Вера и Надя махали руками. А Дуся смотрела на своих сестёр и чувствовала, как сердце её переполняется радостью. Она сделала это! Она показала им большой мир!

Когда карусель остановилась, матрёшки не хотели уходить. Но старик сказал, что ему нужно работать, и они поблагодарили его и пошли дальше.

— Пойдёмте к Петрушке! — сказала Дуся. — Он сейчас как раз должен выступать.

Они подошли к знакомому помосту. Петрушка уже был там. Он поправлял свою красную рубашу и что-то бормотал себе под нос. Увидев Дусю, он просиял.

— О! — закричал он. — Маленькая матрёшка! Ты вернулась! И не одна, а с целой армией!

— Это мои сёстры, — сказала Дуся. — Они хотят посмотреть твоё представление.

— Ха! — Петрушка хлопнул себя по коленям. — Ну, тогда вам повезло! Сегодня у меня особенное представление. Я буду петь, танцевать и рассказывать сказки. А ну, рассаживайтесь поудобнее!

Матрёшки уселись на краю помоста. Петрушка вышел в центр и начал своё представление. Он пел частушки, рассказывал смешные истории, кувыркался и падал, вызывая хохот у зрителей. Матрёшки смеялись так, что у них слёзы выступили на глазах. Даже Маша, которая всегда была серьёзной, не могла сдержать улыбку.

После представления Петрушка подошёл к ним.

— Ну как? — спросил он. — Понравилось?

— Очень! — хором сказали матрёшки.

— А ты, — Петрушка посмотрел на Дусю, — всё-таки нашла свой дом?

— Нашла, — сказала Дуся. — И теперь я хочу показать его всем. Своим сёстрам.

— Правильно, — сказал Петрушка. — Дом — это главное. Без дома ты никто. Я вот тоже... — он вдруг загрустил. — Я живу на этом помосте. У меня есть зрители, но нет дома. Нет семьи. Я один.

— Приходи к нам в гости! — вдруг сказала Соня. Она сама удивилась своей смелости. — Мы живём на прилавке у края ярмарки. У нас есть бабушка Глафира. Она добрая.

Петрушка посмотрел на Соню. На его нарисованном лице появилось что-то похожее на улыбку.

— Спасибо, малышка, — сказал он. — Может, и приду. А теперь бегите. У вас ещё много дел.

Матрёшки попрощались с Петрушкой и пошли дальше. Они увидели Самовара Самоварыча, который важно пыхтел в своей чайной палатке. Дуся представила ему сестёр. Самовар сначала ворчал, что они мешают ему кипеть, но потом смягчился и даже угостил их чаем. Правда, чай был горячий, а матрёшки деревянные, но они всё равно сделали вид, что пьют.

Потом они нашли Гармошку. Она лежала на бархатной подушке и скучала. Увидев матрёшек, она обрадовалась.

— О! — воскликнула Гармошка. — У меня сегодня ещё не было зрителей! Хотите, я сыграю?

— Хотим! — сказали матрёшки.

Гармошка заиграла. Она играла весёлые плясовые мелодии, и матрёшки не могли устоять на месте. Они начали танцевать. Маша и Катя кружились, взявшись за руки. Оля плавно покачивалась, как берёзка на ветру. Вера и Надя прыгали и хлопали в ладоши. Соня топала ножками. А Дуся смотрела на них и улыбалась. Это был самый счастливый день в её жизни.

Но тут солнце поднялось в самый зенит. Маша посмотрела на небо и сказала:

— Пора возвращаться. Бабушка будет волноваться.

— Ещё чуть-чуть! — взмолилась Катя.

— Нет, — строго сказала Маша. — Мы обещали. Бабушка ждёт.

Матрёшки попрощались с Гармошкой и пошли обратно. Они шли усталые, но счастливые. У каждого в душе остался кусочек большого мира.

Когда они вернулись на прилавок, бабушка Глафира уже ждала их. Она стояла, подбоченившись, и смотрела на них строго. Но когда увидела их сияющие лица, её строгость растаяла.

— Ну что, — сказала она. — Нагулялись?

— Бабушка! — закричали матрёшки. — Мы видели карусель! Мы видели Петрушку! Мы пили чай с Самоваром! Мы танцевали под Гармошку!

— Тише, тише, — сказала бабушка, но было видно, что она рада. — Идите сюда. Расскажите мне всё по порядку.

Матрёшки уселись вокруг бабушки, и начался долгий рассказ. Они говорили все сразу, перебивая друг друга. Бабушка слушала, кивала и улыбалась. Она поняла, что её внучки выросли. Они увидели мир, но не потерялись в нём. Они вернулись домой. А это самое главное.

— Бабушка, — сказала Дуся, когда рассказ закончился. — Спасибо, что пустила нас. Я знаю, ты волновалась. Но мы не подвели тебя. Мы держались вместе.

— Знаю, — сказала бабушка Глафира. — Вы молодцы. А теперь идите спать. Завтра будет новый день.

Матрёшки забрались внутрь бабушки. Дуся снова оказалась в темноте, но теперь она не боялась. Она знала, что завтра они снова пойдут на ярмарку. И послезавтра. И так будет всегда. Потому что семья — это не клетка. Это дом. И это самый лучший дом на свете.

Она закрыла глаза и уснула. А за окном всё ещё шумела ярмарка. Она жила своей жизнью, полной красок, звуков и запахов. И в этой жизни было место для маленькой матрёшки Дуси и её большой дружной семьи. Вечер опустился на ярмарку медленно и тихо. Торговцы начали закрывать свои лавки, убирать товар, считать выручку. Где-то вдалеке зажглись первые фонари, и их тёплый жёлтый свет разливался по опустевшим рядам, как мёд по скатерти. Воздух стал прохладнее, запах пряников и жареных орехов смешался с запахом сырой земли и увядшей травы. Ярмарка готовилась ко сну.

Но в семье матрёшек сон никак не наступал. Матрёшки лежали внутри бабушки Глафиры, но вместо того чтобы спать, они тихо перешёптывались. В темноте их голоса звучали особенно таинственно, и каждое слово казалось важным.

— А помните, как карусель кружилась? — прошептала Катя. — У меня до сих пор голова кружится, когда я вспоминаю.

— А Петрушка! — подхватила Вера. — Он такой смешной! Как он упал, когда рассказывал про курицу!

— А Самовар Самоварыч, — добавила Надя. — Он такой важный! Пыхтел, пыхтел, а потом всё-таки дал нам чаю.

— Только чай был горячий, — хихикнула Оля. — Мы же деревянные. Мы не можем пить чай.

— Зато мы сделали вид, — сказала Дуся. — Это же вежливость. Самовар старался, ему было приятно.

— А Гармошка! — воскликнула Соня. — Она так красиво играла! Я никогда не слышала такой музыки!

— Тише, — вдруг сказала Маша. — Вы разбудите бабушку.

Матрёшки притихли. Они прислушались. Бабушка Глафира дышала ровно и глубоко. Казалось, она спала. Но вдруг её голос, низкий и мягкий, раздался в темноте:

— Я не сплю.

Матрёшки вздрогнули.

— Бабушка! — сказала Дуся. — Мы тебя разбудили? Прости.

— Не разбудили, — ответила бабушка. — Я лежу и думаю. Я думаю о вас. О том, какие вы стали большие. О том, какой у вас был день. И о том, что я, кажется, была неправа.

— В чём неправа? — удивилась Маша.

— Я всю жизнь боялась, — сказала бабушка Глафира. — Я боялась, что с вами что-то случится. Я боялась, что вас обидят, что вас потеряют, что вас забудут. Я думала, что если вы будете сидеть внутри меня, в темноте, в тепле, то с вами ничего плохого не произойдёт. Но я забыла, что вы — живые. Что вам нужно видеть мир. Что вам нужно дышать, смеяться, удивляться. Я забыла, что вы не просто деревянные куколки. Вы — моя семья. И вы имеете право на свой собственный путь.

Матрёшки слушали её, затаив дыхание. Бабушка Глафира никогда не говорила так много и так откровенно.

— Сегодня вы вернулись, — продолжала бабушка. — Вы вернулись сами. Вы не потерялись. Вы не забыли меня. Вы пришли домой. И я поняла, что мой страх был напрасным. Вы выросли. Вы стали сильными. И я горжусь вами.

— Бабушка, — сказала Дуся, и в её голосе задрожали слёзы. — Мы всегда вернёмся. Всегда. Потому что ты — наш дом. А дом — это самое главное.

— Знаю, — сказала бабушка. — Теперь знаю. А теперь спите. Завтра будет новый день. И я хочу, чтобы вы снова пошли на ярмарку. И снова увидели что-то новое. И снова вернулись. Потому что так и должна жить настоящая семья.

Она замолчала. Матрёшки тоже замолчали. Но в темноте было слышно, как они улыбаются. И вскоре сон, тёплый и ласковый, как бабушкины руки, унёс их в страну снов.

Утро следующего дня было не таким, как обычно. Бабушка Глафира проснулась раньше всех и, не дожидаясь петушиного крика, открыла свои створки. Свежий утренний воздух ворвался внутрь, и матрёшки проснулись от его прохлады и запаха росы.

— Вставайте, — сказала бабушка. — Солнце уже встало. Ярмарка просыпается. У вас сегодня важный день.

— Важный? — удивилась Маша. — Почему?

— Потому что сегодня вы идёте в большой мир не как гости, а как хозяйева, — сказала бабушка. — Вчера вы смотрели. Сегодня вы можете помочь. Ярмарка — это не только веселье. Это ещё и труд. И если вы хотите быть частью большого мира, вы должны научиться не только брать, но и отдавать.

Матрёшки переглянулись. Они не совсем поняли, что имела в виду бабушка, но им было интересно.

— А что мы можем сделать? — спросила Катя.

— Пойдѐте и посмотрите, — сказала бабушка. — Кто-то потерял что-то. Кто-то грустит. Кто-то нуждается в помощи. Маленькая матрёшка может сделать много добра, если захочет.

Дуся задумалась. Она вспомнила вчерашний день. Вспомнила мальчика с яблоками, который посмеялся над ней. Вспомнила тётку с квасом, которая прогнала её. Вспомнила ворону, которая хотела её украсть. Но она также вспомнила Барбоса, который спас её. Вспомнила старика с каруселью, который пустил её покататься. Вспомнила Петрушку, который развеселил её. В большом мире было много злого, но было и доброе. И если она хочет, чтобы доброго стало больше, она должна сама делать добро.

— Я готова, — сказала Дуся. — Пойдѐмте.

Матрёшки выбрались из бабушки и спустились на землю. Ярмарка только начинала просыпаться. Торговцы раскладывали товар, дворники подметали площадь, повара разжигали печи. Всё было новым и свежим.

— Давайте поделимся, — предложила Маша. — Так мы сможем помочь большему числу людей.

— Нет, — возразила Дуся. — Бабушка сказала, что мы должны держаться вместе. И потом, вместе веселее.

— Дуся права, — сказала Оля. — Давайте сначала найдѐм того, кому нужна помощь. А потом уже решим, что делать.

Они пошли по ярмарке, внимательно глядя по сторонам. Первым, кого они встретили, был старик с шарманкой. Тот самый, который катал их на карусели. Он сидел на перевёрнутом ящике и что-то искал в своей сумке. Вид у него был расстроенный.

— Здравствуйте, дедушка! — поздоровалась Дуся. — Что случилось? Мы можем вам помочь?

Старик поднял голову и вздохнул.

— Здравствуйте, матрёшки, — сказал он. — Беда у меня. Потерял ключик от шарманки. Без него я не могу играть. А без музыки карусель не крутится. А без карусели дети не смеются. А без смеха какая же ярмарка?

Матрёшки переглянулись.

— Мы найдѐм ваш ключик! — воскликнула Катя. — Мы маленькие, мы можем заглянуть в каждую щёлочку!

— Правда? — старик обрадовался. — Тогда ищите. Он маленький, медный, с дырочкой на конце. Я обронил его где-то здесь, когда заводил шарманку.

Матрёшки рассыпались по площадке и начали искать. Они заглядывали под ящики, под скамейки, в щели между досками. Дуся обследовала край помоста, где стояла карусель. Она ползала на коленях, внимательно глядя на землю. И вдруг она увидела что-то блестящее. Это был маленький медный ключик. Он лежал в траве, почти незаметный.

— Нашла! — закричала Дуся. — Я нашла ключик!

Она схватила ключик и побежала к старику. Старик взял его дрожащими руками и прижал к груди.

— Спасибо, маленькая матрёшка! — сказал он. — Ты вернула мне музыку. А значит, вернула радость всем детям на ярмарке. Чем я могу тебя отблагодарить?

— Ничем, — сказала Дуся. — Мне было приятно помочь. Это и есть благодарность.

Старик улыбнулся и погладил её по голове. Потом он завѐл шарманку, и карусель снова закружилась. Дети, которые уже собрались вокруг, закричали от радости.

Матрёшки пошли дальше. Они чувствовали себя счастливыми. Они сделали доброе дело!

Вскоре они увидели женщину, которая сидела на земле и плакала. Рядом с ней лежала корзина с рассыпавшимися ягодами.

— Что случилось? — спросила Маша.

— Ой, беда! — всхлипнула женщина. — Я несла ягоды на продажу, но споткнулась, и всё рассыпалось. Теперь мне нечем торговать. А у меня дома дети голодные.

Матрёшки посмотрели на рассыпанные ягоды. Их было много, и они были разбросаны по всей земле.

— Не плачьте, — сказала Оля. — Мы поможем вам собрать.

Матрёшки принялись собирать ягоды. Они ползали по земле, подбирая каждую ягодку. Это было трудно, потому что ягоды были маленькие, а матрёшки — ещё меньше. Но они не сдавались. Они работали дружно, помогая друг другу. Вера и Надя собирали ягоды в одну кучку. Катя и Оля относили их в корзину. Маша следила за порядком. Соня подбирала самые маленькие ягодки, которые никто не замечал. А Дуся подбадривала всех.

Через некоторое время все ягоды были собраны. Корзина снова была полной.

— Спасибо вам, добрые матрёшки! — сказала женщина. — Вы спасли меня и моих детей. Возьмите эти ягоды в благодарность.

— Нет, спасибо, — сказала Дуся. — Мы не едим ягоды. Мы деревянные. Но мы рады, что смогли помочь.

Женщина улыбнулась и пошла на свой прилавок. А матрёшки пошли дальше.

Они помогли ещё нескольким людям. Они подсказали мальчику, где найти потерянную шапку. Они помогли бабушке донести тяжёлую сумку. Они развеселили грустную девочку, которая потеряла свою любимую куклу. Они делали добро, и это делало их счастливыми.

К полудню они вернулись домой. Бабушка Глафира уже ждала их. Она посмотрела на их лица и улыбнулась.

— Я вижу, вы сегодня не только гуляли, — сказала она. — Вы работали. Вы помогали. Вы делали добро.

— Да, бабушка, — сказала Дуся. — Мы помогли старику найти ключик. Мы собрали ягоды для женщины. Мы сделали много хорошего.

— И как вы себя чувствуете? — спросила бабушка.

— Странно, — призналась Катя. — Мы устали, но нам радостно. Как будто внутри что-то светится.

— Это и есть добро, — сказала бабушка. — Оно всегда светится внутри. И чем больше ты его отдаёшь, тем ярче оно горит. Запомните это, мои дорогие. Большой мир — это не только то, что ты видишь. Это ещё и то, что ты делаешь. И если ты делаешь добро, мир становится лучше. А ты становишься счастливее.

Матрёшки слушали её и кивали. Они поняли, что бабушка была права. Вчера они увидели большой мир. Сегодня они стали его частью. И это было самое главное.

— Бабушка, — сказала Дуся. — А можно мы завтра снова пойдём?

— Конечно, — сказала бабушка. — Завтра, и послезавтра, и каждый день. Потому что мир большой, и в нём всегда найдётся место для доброго дела.

Она обняла своих внучек и повела их к прилавку. А над ярмаркой светило солнце, и всё вокруг казалось ярким и добрым. Матрёшки забрались внутрь бабушки, и Дуся снова оказалась в знакомой темноте. Но теперь эта темнота не была для неё клеткой. Это был дом. Самый лучший дом на свете.

Она закрыла глаза и улыбнулась. Завтра будет новый день. Будут новые приключения. Будут новые добрые дела. И она будет делать их вместе со своей семьёй. А это и есть настоящее счастье.

Глава 3. Матрешка, которая потерялась

Прошло несколько дней с тех пор, как матрешки впервые отправились на ярмарку все вместе. Каждый день они находили что-то новое: то смотрели, как кузнец куёт подковы, то слушали, как старушка поёт протяжные песни, то пробовали (или делали вид, что пробуют) разные угощения. Бабушка Глафира уже не ворчала так сильно, как раньше. Она поняла, что её внучки выросли и могут позаботиться о себе. Но она всё равно каждый раз говорила им одно и то же:

— Держитесь вместе. Не разговаривайте с незнакомцами. И возвращайтесь до полудня. Матрешки кивали и убегали навстречу новым приключениям.

В то утро ярмарка была особенно шумной. Приехали новые торговцы из далёких краёв. Они привезли ткани с удивительными узорами, глиняные игрушки, которых здесь ещё никто не видел, и сладости, пахнувшие незнакомыми пряностями. Воздух был полон восторженных возгласов, смеха и музыки. Даже петух, который обычно кричал только по утрам, сегодня кричал без умолку, словно тоже радовался всеобщему веселью.

Дуся проснулась первой, как всегда. Она потянулась, разбудила Катю и Олю, а потом и остальных. Бабушка Глафира уже открыла свои створки, и в лицо матрешкам ударил тёплый солнечный свет.

— Сегодня на ярмарке будет что-то интересное, — сказала бабушка, прищурившись. — Я чувствую это. Идите, но будьте осторожны.

— А что там будет? — спросила Катя, нетерпеливо подпрыгивая.

— Не знаю, — ответила бабушка. — Но что-то будет. Ярмарка никогда не бывает одинаковой.

Матрешки выбрались наружу и побежали по знакомой тропинке между прилавками. Они уже знали, где стоят самые вкусные пряники, где играет Гармошка, где важно пыхтит Самовар Самоварыч. Но сегодня их внимание привлекло что-то другое.

В центре площади, рядом с каруселью, собралась небольшая толпа. Люди что-то рассматривали и тихо переговаривались. Матрешки подошли поближе и увидели, что на земле, прислонившись к столбу, сидит... матрешка. Но не такая, как они. Эта матрешка была огромной. Она была больше самой бабушки Глафиры. Её бока украшали замысловатые узоры: синие, золотые, изумрудные. На её лице застыла печальная улыбка. А из глаз, казалось, вот-вот покажутся слёзы.

— Ой, — прошептала Соня. — Какая большая! И какая грустная.

— Тише, — сказала Маша. — Не будем глазеть. Это невежливо.

Но Дуся уже не могла отвести взгляд. Она чувствовала, что эта матрешка нуждается в помощи. Что-то в её печальных глазах говорило о большой беде.

— Пойдёмте, — сказала Дуся. — Подойдём к ней. Может, мы сможем помочь.

— Ты уверена? — спросила Оля. — Бабушка сказала не разговаривать с незнакомцами.

— Бабушка сказала не разговаривать со злыми незнакомцами, — возразила Дуся. — А эта матрешка не злая. Она грустная. Разве можно пройти мимо?

Маша вздохнула. Она знала, что спорить с Дусей бесполезно.

— Хорошо, — сказала она. — Но держитесь за мной.

Матрешки подошли к большой матрешке. Она подняла голову и посмотрела на них. Её глаза были полны слёз.

— Здравствуйте, — сказала Дуся, сделав шаг вперёд. — Меня зовут Дуся. А это мои сёстры. Мы увидели, что вам грустно, и решили подойти. Может быть, мы можем чем-то помочь?

Большая матрешка посмотрела на Дусю. В её глазах мелькнула искорка надежды.

— Здравствуй, маленькая матрёшка, — сказала она низким, мягким голосом. — Меня зовут Акси́нья. Я приехала на ярмарку с далёкого севера. Я потеряла свою семью.

— Потеряли семью? — ахнула Катя. — Как это случилось?

Акси́нья глубоко вздохнула. Из её глаз потекли крупные слёзы.

— Мы ехали на большой телеге, — начала она. — Нас было двенадцать матрёшек. Я самая старшая. Мы ехали через лес, и телега наткнулась на камень. Мы упали, и я потеряла сознание. Когда я очнулась, то была одна. Мои сёстры исчезли. Я искала их везде, но не нашла. Добрые люди привезли меня на эту ярмарку. Говорят, здесь часто бывают путешественники. Может быть, кто-то видел моих сестёр.

Матрёшки переглянулись. Это было настоящее горе. Потерять семью — что может быть страшнее?

— Не плачьте, — сказала Дуся, подойдя к Акси́нье и положив свою маленькую ручку на её огромную деревянную ладонь. — Мы поможем вам найти ваших сестёр. Мы знаем здесь всех. Мы спросим у Петрушки, у Самовара Самоварыча, у Гармошки. Они знают всё, что происходит на ярмарке.

Акси́нья посмотрела на Дусю с благодарностью.

— Спасибо, маленькая матрёшка, — сказала она. — Но я уже спрашивала многих. Никто не видел моих сестёр. Боюсь, они потерялись навсегда.

— Не надо бояться, — твёрдо сказала Маша. — Если искать всем вместе, обязательно найдём. Мы вам поможем.

Акси́нья вытерла слёзы и улыбнулась. Впервые за долгое время.

— Вы очень добрые, — сказала она. — Я так долго была одна. Я думала, что больше никогда не увижу свою семью. Но теперь у меня появилась надежда.

Матрёшки окружили Акси́нью и начали расспрашивать её о сёстрах. Как они выглядели? Какие у них были узоры? Может быть, они чем-то отличались?

— Мои сёстры все разные, — сказала Акси́нья. — Старшая после меня, Варвара, была с красными розами на боках. Третья, Глаша, — с синими васильками. Четвёртая, Марфа, — с зелёными листьями. Пятая, Пелагея, — с золотыми колосьями. И так далее. У каждой был свой узор. Но все они были меньше меня. И все они были очень красивые.

— Мы обязательно их найдём! — воскликнула Вера.

— А где вы остановились? — спросила Надя. — Где вы живёте?

— Я живу у доброй женщины, которая торгует мёдом, — ответила Акси́нья. — Она пустила меня к себе. Её зовут тётя Клава. Она добрая. Но я всё равно чувствую себя одинокой. Без семьи я никто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.